

Самсубрец

5

МУЗЫКАЛЬНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Москва, правда, — 1995. — 7 июля. — с. 10.

**“ПОДАЙ МНЕ ЧЕРНЫЕ ПЕРЧАТКИ.
СКАЖИ, ЧТО ДОЖДЬ — ДЛЯ НАС
ДВОИХ (НАЯРИВАЕТ)...”**

ВАЛЕРИЯ.

“АННА”.

БЕКАР

РЕКОРДЗ

Я напою вам для начала дежурность: жизнь, вот эти собачьи будни, которые мнят себя жизнью, а на проверку являют собой череду плотную мерзостей с редкими паузами радостей в виде книжек, гонора-ра, дачи и секса — вот эта жизнь по оп-ределению (так родители обещали!) всегда должна быть украшена интригой. Причем не какой-нибудь интригой, а — красивой. Затежливо исполненной, ажурно сработанной. Ну, это чтоб спектакль хоть на секунды входил в колено.

Представляю вам интригу по имени Валерия. Все-гда стильно, временами сухо (якобы — потому что в глазах известное знание), периодами жестко, полосами нещадно, но всегда стильно — вот что такое Валерия. А стильность, коль скоро мы перешли на язык дефиниций, — это когда улыбка соседа (-ки) много обещает (не путайте, пожалуйста, с обещаниями Прези-дента: альбом Валерии разбавлен тремя слезинками, восемью тяже-лыми вздохами, одним сплошным хохотунчиком).

“Москва слезам не верит”. Я против хрестоматийных то-чек отсчета: почему Москва должна быть первостепен-ной? А вот я ей не верю, и не нигилизм это вовсе, а точ-ное знание: бездушные механизмы на ласкательные позывы чихать *хочут*. Другое дело, что В. очень точно манипулирует голосом: где трепету подпус-тит, где крещендо разразится, где на грани ше-пота с дождичком собеседует. (А что дождик может ответить на томление? Льет себе — и делает вид, что людские зрелища — не про него.)

“С добрым утром”. При таком располо-жении духа, когда и звезды на небе виноваты, и зефир, и новая тв-развлекуха, и брако-ванный йогурт, но при тотальной виноватости как-то ленца не дает оторваться от оттоман-ки... при таком настроении нужно лезть в ванну с розмарином. Когда утром он прошипит привет-ствие, ты ответь ему: иди на фиг. Он, конечно, опешит, зато в течение дня будет держать дистан-цию, сволоочь. Очень удачная песня в смысле полного совпадения мировоззрения с выкрутасами небезразлич-ной мне дамы Светы Михайловой: самое главное в жизни — испорченный телефон и моя папироска.

“Обычные дела”. Я бы пожал Шульгину, к которому интуитивно от-ношусь с настороженной симпатией, культяпку только за эту вещь. Все, кого знаю (а знаю триста миллионов помешанных на музоне охломонов), плачут. У меня лично сюжет был именно такой: под шкворчанье сковородки баналь-ное “ну и проваливай!”, таблетки, мешочки под фарами. Если ты не *Сташев-ский*, тебе, братец, придется туго с твоим чувствительным сердешным меха-низмом, не рассчитанным на еженедельные расставания, а если, ко всему, ты прикипел душой? Валерия поет эту песню, даже хореографией акценти-руя обыденность свинства в любви, но так делают все из наиболее сильных, когда комната наполняется кошмарами, а снотворное не срабатывает.

“Самолет”. Транспортировки из места Любовь в место под названием Неизвестность бывают разные. Эта — самолетом — цивилизованная, но, изви-ните, что проку сердцу от того? Хорошо еще, если повезет и плюхнешься с газеткой в кресло обок с иллюминатором, а если?... То и дело ерзать тебе оста-ется и жалеть, что не сберегли... помнишь, я тебе на морозе около инсти-тута мороженое покупал, на палочке? а помнишь, я тебе галстук подарила, а он оказался бракованный? Помню, тогда у тебя были длинные волосы, я с ума сходил.

“Золотая рыбка”. Так упреждали же: с какого-то времени придется упо-вать только на себя, тощую! Чего теперь губки надувать? Рыбка имеет

право на отдохновение? Ну так чего? И вовсе ее испарение не значит неизбежность пуститься во все тяжкие. Меня, например, одолева-ет иная проблема: мне штанину надобно заштопать. (Я Ее попросил, она взвилась: я не домработницей к тебе занималась! Стер-ва.)

“Осени дым”. Все кругом — на живую нитку.

Вздохом можно укокошить, не говоря об артилле-рии. Старайся — слышь ты? — ходить по квартире боч-ком, а то мух много развелось. Но ты вольница, плюешь

на запрет, с крыльца аллеи просматриваются, там кто-то стоит, которая по правую руку, я тебе точно говорю, это не Он? Вон же, ну! Боже, как он похож на Артура покойного.

“Над Москвою чистое небо”. А наличие облаков не связы-вается на качестве кухонных разговоров. Сказывается другое. “Я тебя не забыла пока”. Уж лучше забудь: я натура сложная, зачем тебе я, я увлекающийся, вспылчивый, в профиль заурадный, ты воздушная такая, и “страна — большая”. Да, да, я тебя люблю, конечно, а куда ты бритву дела?

“Птицы летят на юг”. К птицам приступу нет и не будет.

Они не тебе чета. Но почему ты такая вредная? При чем тут птицы? При чем тут символ, блин, исчезающей люб-ви? (Эту песню ты спой, пожалуйста, когда в залу войдет *Света М.*, она, конечно, сыграет в ..., но на пороге скажет: какой же ты непутевый, Господи!) Я тебя о путевках спрашиваю: брать — не брать? Это еще что, чего ты плачешь? Ты плачешь?

“Бессонница”. Твои слова так хорошо баюкают, и где ты понабрался таких слов и таким вздохам научился? ну так! Спецом репетировал. Тренаж состоял из перечитыва-ния Бунина, изучения переписки Некрасова с юристом, прослушивания “TAKE THAT” и звон-ков Свете М. Вот тебе результат. Правда, что похож на то, будто я вправду в тебя вторил-ся? Не спи, я утром припрусь и посигналю два раза.

“Небеса”. Эту бездну должно брать присту-пом. Но людям неодолимо-хитрым нас не понять правда, малышка? Вот *Вульф* может нас понять? Не смейся: слишком меркантильно-церемонный человек. А

Додолев? Ну, этот ближе (ты в курсе, между прочим, что он готовил себя на сан ментора?), но все равно: чистый персо-наж Тарковского по внутренней хитрости, не до небес. Другое дело — мы с тобой. Легкий ужин, винцо, ерзанье. И полеты, полеты.

“Не уходи”. Я размагниченный, не трогай меня сегодня, меня облял Ерофеич. Чего ты вяк... сказала? А при чем тут *Шумский*? Выруби этот те-лефон на фиг! И подойди поближе. Нет, вот так. И ты после этого говоришь, что скучала?

“Воскресенье”. Странная тональность в вещи про уик-эндную беспеч-ность. Такая философия — после не спрашивайте, откуда мигрень. *Наде-ждой разрешилось воскресенье*. Ну слава Богу, а то я подумал, что ты лы-жи сегодня из дому навостришь от тоски.

“Кода” (инструментал). Называется жанр — ревизия бутафории.

Резюме в виде записки продюсеру А.Шульгину. Хитрован Саша! Увы, вынужден со скрежетом зубным поздравить Вас с констатацией шока: я так давно не переживал шок любого свойства, что Вам надо отдать должное — купили. Я для Вас никто, если учесть Вашу неприязнь ко мне, ну так даже *Додолев* и *Шавырин* знают, что я продукт бульварной макулатуры. Но серд-це мое! Сердце мое отзывчивое! Валерия — это фирменный привет из голли-вудского супермаркета. (Надеюсь, вы не станете делать вид, что мой отзыв — лучший, потому что — непрофессиональный. То есть честный.)

Отар КУШАНАШВИЛИ.

